

индекс : 84471

ЗНАМЯ

ISSN 0130-1616

10/2010
октябрь

Геннадий Русаков

Свои скворцы

* * *

Закончен день. Затихли голоса.
В последних окнах солнце отгорело.
И за Окой ушли домой леса.
И молодое лето постарело.

Мне грустно, друг. Такой печальный час.
Почти не видно ветхого забора.
Из темноты, по воздуху мечась,
касатка протолкнулась без разбора.

Вон электричка огненной строкой
прошла ночь и голосом запела
в такой дали, совсем уже в такой,
что даже нас увидеть не успела.

К чему, мой друг, всё это нам двоим?
Бессмертья нет, а старости не надо.
И для чего тогда мы тут стоим,
у этого ночного палисада?

* * *

Не надо дневников: что было — всё в стихах.
Душе ни для чего подробные детали.
Я за самим собой ходил, отстав на шаг,
пока мои зрочки творение хватали.

А ей, душе, нельзя, она живёт внутри.
Её года темны, её взросленья длинны.
Сиди себе, точи продукты-сухари,
звучащая вода на горсть исходной глины!

Не будем вспоминать не помнящих о нас.
У них свои скворцы и жёлтые окошки.
У них своих святых сплошной иконостас,
трельяжей нагота и выгнутые ножки.

Об авторе | Геннадий Александрович Русаков — постоянный автор «Знамени». Выпустил семь книг стихотворений. Предыдущие публикации стихов у нас в журнале: «Знамя», № 10, 2009; № 4, 2010.

У них высокий слог и крупное число.
У нас — одни шиши да яблоки-ранетки.
Да вон ещё в саду крапиву разнесло
и сладко чугунок запахнул на загнетке.
Оставим знатокам подробности письма.
Я быстро устаю от бунинского зренья.
Молчи, душа, молчи!
Ты всё поймёшь сама
в испуге простоты, в укоре повторенья.

* * *

С полудня — копошение над садом:
опять к дождю смещаются пласты.
Собаки лают вяло и с надсадом,
пугаясь непривычной высоты.

А он уже гудит над Поддубками
и воздух, электричества отец,
большими осторожными руками
провёл над трансформаторами ТЭЦ.

Ох, тошно мне в казённости размера,
в оборках рифм, как в рюшках для франтих!
Хотя без них, увы, порядком серо,
но подавайте мне свободный стих!

Лишь он один умеет внятным слогом —
про нижний пруд с пупырчатой водой,
про то, что пыль прибило по дорогам
и у коров повысился надой.

Про то, как выйдешь — и лицо под струи:
помолодеть, помокнуть, поглупеть.
А там трава кипит и озорует,
и впору с ней немедля закипеть.

Ах, белый стих, предвестник скорой прозы!
Ты что-то часто просишься в строку.
Виной, наверно, мокрые прогнозы:
дожди, дожди находят на Оку...

* * *

*Да ложки-то нашлись. А вот осадок остался...
Из анекдота*

Не уметь, не помнить и не знать.
Не вникать в премудрости науки.
И с конца начало начинать,
времени выламывая руки.

В нашей жизни есть какой-то прок,
что-то шебуршит у ней в сердёдке,
слышится самарский говорок,
дни идут в бухгалтерской проводке.

...Дуть в мундштук, играя на трубе
и кроссворд разгадывать по клетке...
Я бы вам напомнил о себе
в третий год последней пятилетки.

Только вам уже стучат в окно,
окликают, свесившись с подножки.
А с экрана старое кино
громко пересчитывает ложки.

* * *

Опять летит страна моя в расшибе,
опять замах, опять всё та же страсть.
Лишь раскачнуться б с места этой глыбе,
а там пойдёт-покуролесит всласть.

Я устаю от пьяного задора,
от этих начинаний без конца,
«Газпрома», «Автоваза-Автодора»...
От поисков радетеля-отца.

Нас для России оказалось мало.
Но святу месту пусту не бывать:
иноплеменник —
так всегда бывало —
ложится с сибирячкою в кровать.

* * *

Я в детстве был отъявленным лжецом:
врал о себе немислимые вещи, от которых
немела мелкосортная шпана
спас-клепиковского детдома. Нынче
мне кажется, что в них никто не верил. Но неважно:
в июле я сбежал.
Торфяники горели. Это было страшно:
на первый взгляд как будто просто дым —
ну, стелется, ну, застревает в горле.
Но глянешь в сторону, а там в провале, в топке,
вращается неслышимый огонь.
И молча проседает вдруг дорога,
летит в разлом — ух! Искры на лету.
И смерть в лицо дохнула.
А на разъезде били цыганят.
Они кружили, бегали, вились
вокруг детины в рваной гимнастёрке,
а тот держал за шкирку на весу
задрипанного шкета. Я прошёл.
Во мне закрылось сердце для обиды.
Я разучился помнить зло и боль,
гудел внутри, как будто свежим тёсом,
который долго держит каждый звук,
но слышит сам себя. Мне было десять.
Всё начиналось с этой нищеты.